

А

Виктор Петрович Астафьев
Творец и мыслитель

Date: 2 августа 2009

Изд: Критический ежегодник -- 1979. (Сост. А. Ленщиков), М., "Современник", 1979

OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@gmail.com)

В. П. АСТАФЬЕВ

ТВОРЕЦ И МЫСЛИТЕЛЬ

Одно из самых ярких воспоминаний моего детства по какому-то капризу судьбы или закономерности ее связано со Львом Николаевичем Толстым. В деревенской школе, куда я пришел учиться в первый класс осенью тысяча девятьсот тридцать второго года, приезжий учитель прочел нам, сельским детям, еще не умеющим читать, рассказ о Жилине и Костылине. Это было такое потрясение, что я долго не мог ничего более слушать и воспринимать, с криком вскакивал по ночам и все время пытался пересказать жуткую историю о двух русских солдатах, бежавших из плена, всем, кто желал ее слушать. Бабушка, слушая меня, не раз плакала и повторяла: "Господи, господи! Вот она какая, жизнь-то человеческая, чего только в ей не натерпелись и не натерпишься... -- и, к случаю, наказывала: -- Учись хорошенько, старших слушайся -- старшие художу не научат..."

С тех пор я не перечитывал рассказ Льва Николаевича Толстого "Кавказский пленник" и перечитывать не буду, ибо живет он во мне каким-то давним, отделенным от всего остального прочитанного и услышанного ярким озарением, и мне все еще хочется пересказывать бесхитростную и, может быть, самую романтическую историю в нашей русской литературе. Возможно, и тяга к творчеству началась с того, в детстве искоркой занявшегося желанием поведать услышанное, что-то, конечно же, добавляя и от себя.

Самое любимое мое произведение у Льва Николаевича -- "Хозяин и работник". Оно не только совершенно по исполнению, но еще и поучительно для нас, ныне работающих пером в том смысле, что в угоду литературной схеме нельзя попускаться жизненной правдой. Уверен, что в исполнении большинства современных отечественных писателей "хозяин" никогда не вернулся бы спасать "работника", не замерз бы сам, наоборот, как и полагается держиморде-кулаку, сделал бы все, чтобы погубить "эксплуатируемого", ибо есть он в нашем понимании "паразит", а у паразита какой может быть характер, какое "нутро"?! Только темное, гнилое, паразитское! Великий же писатель и мыслитель видел и понимал человека во всей его объемности, со всеми его сложностями и противоречиями, порой чудовищными.

Вот в этом, на мой взгляд, и заключаются традиции Толстого, воспитанного, кстати сказать, на традициях той зрелой русской литературы, которая уже существовала до него и величие которой он преумножил и поднял на такую высоту, до которой надо всем нам тянуться и тянуться, чтобы заглянуть в ее беспредельные глубины.

Отдельного любимого толстовского героя у меня нет, я люблю их всех, от мальчишка Филипка, незадачливого Поликушки и до пугающе-недоступного, прекрасного князя Андрея Болконского и его сестры Марьи.

За жизнь свою я перечитывал "Войну и мир" раз пять. Самое яркое впечатление было, когда я читал эту книгу в госпитале. Те ощущения, та боль, какие я пережил, читая "Войну и мир" на госпитальной койке, больше не повторились. Но каждое следующее прочтение романа открывало мне новые, ранее не увиденные и неизведанные "пласты", ибо сама эта книга, как Жизнь, как Земля, велика, загадочна и сложна.

Лет десять назад я -- наконец-то -- решился съездить в святое место -- Ясную Поляну и был потрясен равнодушием и праздношью толпы, жидким потоком плавающим по аллеям, дорогам и тропинкам усадьбы. Посетители что-то жевали, фотографировались "на память", хохотали, припоминали какие-то сплетни о Толстом, а главным образом о жене его и детях. Какая-то простодушная пожилая женщина высказалась насчет могилы Толстого: "Такой, говорят, большой человек был, а могила сиротская, без креста. Денег, что ли, жалко?" Какой-то седовласый гражданин в рубахе-распашонке, с лицом закаленного кухонного бойца кричал в кафе усадьбы: "Почему это водка есть, а коньяка нету? Я хочу благородного человека помянуть благородным напитком!.." Рядом сидела его внучка или дочка

А